Дата поступления рукописи в редакцию: 07.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-238-244
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.

КАЛИНИН Алексей Юрьевич,
доктор юридических наук,
профессор кафедры частного права
Государственного университета по землеустройству;
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Института технологий управления РТУ МИРЭА,
e-mail: mail@law-books.ru

СВОБОДА ВОЛИ И ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЕ КАК УСЛОВИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛКИ

Аннотация. *Целью статьи является анализ свободы волеизъявления как обязательного условия действительности сделок в системе гражданско-правового регулирования. Ключевой задачей является выработка системных предложений по унификации подходов к оценке свободного волеизъявления, учитывающих как доктринальные разработки, так и потребности современной судебной практики.*

Ключевые слова*: воля; волеизъявление; условия действительности сделок; оспоримые сделки; правосубъектность.*

KALININ Alexey Yuryevich,
Doctor of Law, Professor of the Department of Private Law
of the State University of Land Management;
Professor of the Department of Public Law Disciplines
at the Institute of Management Technologies
of the Russian Technical University of MIREA

FREE WILL AND EXPRESSION OF WILL AS CONDITIONS FOR THE VALIDITY OF THE TRANSACTION

Annotation. *The purpose of the article is to analyze freedom of expression as a prerequisite for the validity of transactions in the system of civil law regulation. The key task is to develop systematic proposals for the unification of approaches to the assessment of free expression of will, taking into account both doctrinal developments and the needs of modern judicial practice.*

Key words: *will; expression of will; conditions of validity of transactions; disputed transactions; legal personality.*

Актуальность исследования свободы волеизъявления как условия действительности сделки обусловлена динамикой судебной практики последних лет. Анализ статистики Верховного Суда РФ за 2020-2025 годы [2] демонстрирует устойчивый рост количества дел, связанных с оспариванием сделок по основаниям нарушения свободного волеизъявления сторон, что отражает возрастающую сложность экономических отношений, где внешние факторы всё чаще влияют на автономию воли участников гражданского оборота. Проблема заключается в существенной противоречивости судебной практики при оценке свободы волеизъявления, особенно в корпоративных конфликтах и потребительских правоотношениях, а именно, отсутствие единых критериев определения таких нарушений, как экономическое принуждение или злонамеренное согласование условий, приводит к разным правовым последствиям в аналогичных ситуациях [24]. Эта неопределённость создаёт значительные риски для добросовестных участников гражданского оборота, вынужденных учитывать судебные прецеденты при заключении сделок [18].

Истоки доктринальных представлений о воле и волеизъявлении восходят к античной философской мысли, где воля рассматривалась как фундаментальное свойство человеческой природы. В трудах древнегреческих философов формировались первые концепции свободы выбора и ответственности за совершаемые действия. Эти идеи получили развитие в римском праве, где начало складываться понимание юридической значимости волевых актов [15]. Однако систематизированное учение о воле как право-

вой категории сформировалось значительно позже. В средневековой юриспруденции произошло углубление анализа соотношения внутренней воли и её внешнего выражения. Каноническое право и труды глоссаторов заложили основы для разграничения субъективного намерения и объективированной формы его проявления [25]. Тогда как в Новое время происходит чёткое разделение воли как психического акта и волеизъявления как его внешнего выражения. Действительность сделки здесь зависит от соответствия воли и волеизъявления. При этом, разработка базовых конструкций воли и волеизъявления создала методологическую основу для анализа действительности сделок в гражданском праве, тогда как дифференциация между внутренними психическими процессами и их внешним выражением позволила выработать критерии оценки свободы волеизъявления [12].

Говоря о формирование представлений о свободе волеизъявления в российском гражданском праве, следует отметить, что в Своде законов Российской империи нашли отражение западноевропейские правовые концепции свободы воли, заимствованные преимущественно из немецкой цивилистической доктрины [13]. Российское законодательство XIX века восприняло идею воли как основополагающего элемента сделки, однако допускало существенные ограничения в зависимости от сословной принадлежности субъекта. Формальное закрепление принципа добровольности заключения договоров сочеталось с сохранением патриархальных и сословных рамок, что отражало дуализм правовой системы имперского периода.

Советский период ознаменовался радикальной трансформацией подходов к свободе волеизъявления под влиянием классовой теории. «Кардинальные изменения, произошедшие в начале XX века, привели к отказу от «буржуазных» правовых принципов, включая и добросовестность. Юриспруденция и все её отрасли переживали тяжелые времена. Из-за смены капиталистической формации на социалистическую многие правоотношения в гражданском праве, урегулированные принципом добросовестности, просто перестали существовать. Гражданский кодекс РСФСР 1922 года формально сохранил категорию волеизъявления, но подчинил её принципу экономической целесообразности. Доктрина советского гражданского права трактовала свободу воли как производную от государственных интересов, что существенно ограничивало автономию участников оборота. Судебная практика ориентировалась на формальные критерии определения действительности волеизъявления, игнорируя психологические аспекты формирования воли. Ограничение частноправовых начал привело к доминированию императивных норм, регулирующих договорные отношения в интересах плановой экономики [19].

Современное российское гражданское право осуществило реставрацию классических принципов автономии воли через закрепление фундаментальных начал частного права. Переломный момент наступил с принятием Гражданского кодекса РФ, где принцип добросовестности был закреплен в ст. 1 в качестве одного из основных начал гражданского законодательства. Восстановление института частной собственности и свободы договора создало предпосылки для развития доктрины свободного волеизъявления, хотя современные экономические реалии порождают новые вызовы в определении границ внешнего воздействия на волю участников сделок.

В современной российской цивилистике выработана система критериев свободного волеизъявления, выступающих необходимыми условиями действительности сделок. Сложность возникает при разграничении правомерного воздействия (убеждение, переговоры) и неправомерного давления (угрозы, обман). Отдельную проблему представляют латентные нарушения процесса формирования воли, вызванные психофизиологическими особенностями или скрытым информационным воздействием. Доктринальные споры ведутся относительно степени влияния таких факторов на действительность волеизъявления [21].

Судебное толкование играет ключевую роль в применении статьи 178 ГК РФ при установлении действительности волеизъявления. Согласно ей, оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации. Именно данная формирует стандарты оценки добросовестности участников сделок и используется судами при установлении соответствия волеизъявления требованиям закона [19].

Следует также отметить, что в ряде постановлений ВС РФ подчеркивает необходимость разграничения объективных условий сделки и неправомерного воздействия на волю участников. Например, суд признает недействительными соглашения, заключенные под угрозой причинения вреда имущественным интересам при отсутствии разумных альтернатив. При этом отмечается, что обычные коммерческие риски или невыгодные условия сами по себе не свидетельствуют о нарушении свободы воли [16].

Процессуальные сложности в доказывании нарушений свободы волеизъявления связаны с отсутствием формализованных критериев оценки. Несмотря на нормативное закрепление, применение принципа добросовестности на практике сопряжено с рядом сложностей. Отсутствие четких критериев определения «добросовестного поведения» в конкретных ситуациях порождает субъективизм в правоприменительной практике. Зачастую сложно доказать недобросовестность действий человека, что снижает эффективность защиты прав [17]. Это приводит к вариативности судебных решений по аналогичным делам. Верховный Суд РФ выработал подход к распределению бремени доказывания, возлагая на сторону, оспаривающую сделку, обязанность подтвердить факт воздействия на волю. При этом суд учитывает презумпцию добросовестности участников гражданского оборота. Для опровержения данной презумпции требуются убедительные доказательства, включая документы, свидетельские показания и экспертные заключения [6].

Правовые позиции ВС РФ содержат критерии разграничения правомерного коммерческого давления и неправомерного экономического принуждения. Исторически принуждение и обман – яркие примеры недобросовестности в дореволюционном праве. Верховный Суд РФ указывает, что ключевым признаком экономического принуждения является создание ситуации, при которой сторона лишается возможности действовать в своих интересах. Например, злоупотребление доминирующим положением или использование экстренных обстоятельств контрагента рассматриваются как неправомерное воздействие. Напротив, жесткие условия переговоров в рамках обычной деловой практики не признаются нарушением свободы волеизъявления [1].

Экономическое принуждение занимает лидирующее положение среди оснований оспаривания сделок в судебной практике [7]. Данное нарушение проявляется в ситуациях, когда одна сторона, используя доминирующее экономическое положение, ограничивает свободу выбора контрагента. Характерными признаками выступают явная диспропорция в условиях договора и наличие угрозы причинения существенного вреда имущественным интересам. Судебные органы при установлении факта принуждения анализируют объективные обстоятельства заключения сделки. Доказывание экономического принуждения сопряжено с необходимостью установления причинно-следственной связи между противоправными действиями и принятием решения о совершении сделки. Разграничение заблуждения от коммерческого риска осуществляется на основе критериев, закрепленных в п. 1 ст. 178 ГК РФ. Ключевое значение имеет установление влияния заблуждения на действительную волю участника сделки. Судебная практика учитывает, имела ли сторона возможность получить достоверную информацию при проявлении обычной осмотрительности. Особую сложность представляет оценка заблуждений относительно будущих обстоятельств, которые стороны могли предвидеть. При разрешении споров о существенном заблуждении применяются специальные правила толкования волеизъявления [14]. Если все остальные способы толкования не помогли, и обе стороны по-разному понимают договор, предпочтение отдаётся стороне, которая должна что-то сделать (передать вещь, выполнить работу, уплатить деньги). Считается, что другая сторона имела больше возможностей чётко сформулировать свои требования в договоре. Данный подход подчеркивает значение распределения рисков при формулировании условий сделки [10].

Следует также отметить особенности рассмотрения споров о свободе воли в корпоративных и потребительских сделках. Корпоративные сделки с участием аффилированных лиц характеризуются повышенной сложностью доказывания нарушения свободы волеизъявления, что обусловлено наличием устойчивых хозяйственных связей между участниками, затрудняющее установление фактов экономического принуждения или иного воздействия. Суды здесь вынуждены обращать внимание на формальные признаки согласованности действий аффилированных субъектов, при этом особенностью судебного подхода является смещение бремени доказывания в случаях, когда сделка совершается между контролирующими и зависимыми лицами. Иными словами, суды требуют представления доказательств, подтверждающих отсутствие скрытого принуждения или злоупотребления правом, что направлено на предотвращение злоупотреблений в корпоративной сфере при сохранении баланса интересов участников оборота [5].

В потребительских сделках законодатель устанавливает специальные механизмы защиты слабой стороны, направленные на компенсацию изначального дисбаланса в положении контрагентов. Презумпция добросовестности предпринимателя и усиленные гарантии для потребителя создают особый режим оценки действительности волеизъявления. Судебная практика исходит из необходимости повышенной судебной защиты прав потребителей при установлении фактов навязывания условий договора. Данный подход реализует принцип социальной справедливости в гражданско-правовых отношениях. Международный опыт демонстрирует развитие специаль-

ных мер защиты потребительских прав. Примером особой меры защиты потребителя в рамках ЕС являются, в частности, Директива о несправедливых условиях и Директива о правах потребителей [20]. Российское законодательство восприняло аналогичные подходы, закрепив в ГК РФ и специальных законах императивные правила заключения потребительских договоров. Указанные нормы направлены на минимизацию рисков нарушения свободы волеизъявления за счёт ограничения свободы договора для предпринимателей [4,8,9].

Современное российское законодательство содержит противоречия в определении свободы волеизъявления как условия действительности сделок. Правоприменительная практика демонстрирует отсутствие единых стандартов квалификации принуждения и злонамеренного соглашения как факторов, ограничивающих свободу воли. В современной России законодательство делает акцент именно на злонамеренность поведения, которое противоречит принципу добросовестности. Однако такой детальной структуры нет, что делает принцип ещё более абстрактным и создает проблемы в судебной практике. Недостаточная регламентация данных понятий приводит к разночтениям при оценке обстоятельств конкретных сделок. Судебный произвол проявляется в противоречивой оценке идентичных по существу случаев воздействия на волю контрагента. Отсутствие законодательно закрепленных критериев разграничения правомерного влияния и неправомерного давления создает почву для дискреционного усмотрения судов. Это подрывает стабильность гражданского оборота и правовую определенность. Унификация доктринальных подходов и их имплементация в нормативную базу могли бы минимизировать указанные риски [12].

Представляется необходимым сказать также и о проблемах квалификации внешних воздействий на волю стороны как оснований для оспаривания сделки. Ключевой проблемой при квалификации внешних воздействий на волю стороны является отсутствие законодательно закреплённых критериев разграничения правомерного влияния и неправомерного давления. Действующее гражданское законодательство не содержит чётких определений допустимых пределов воздействия на процесс формирования воли контрагента. Эта неопределённость приводит к противоречивой судебной практике, когда аналогичные обстоятельства по-разному оцениваются судами первой и апелляционной инстанций. Особую сложность представляет квалификация психологического давления в условиях цифровой экономики. В деле Spreadex Ltd v. Cochrane [3] Высокий суд Англии отказал в удовлетворении иска о принудительном применении условий пользовательского соглашения в отношении потребителя на том основании, что эти условия крайне трудны для восприятия и не являются персонально обговариваемыми [11]. Российская практика демонстрирует аналогичные проблемы при оценке стандартных договоров присоединения, где баланс между информационным воздействием и принуждением остаётся дискуссионным [22].

Существенной трудностью при рассмотрении споров выступает определение степени интенсивности внешнего воздействия, необходимой для признания волеизъявления несвободным. Суды вынуждены самостоятельно устанавливать пороговые значения влияния, руководствуясь преимущественно оценочными категориями. Отсутствие формализованных параметров для измерения интенсивности воздействия приводит к субъективизму при оценке таких обстоятельств, как экономическое принуждение или злоупотребление доминирующим положением.

Правоприменительная практика сталкивается с проблемой отсутствия регламентированных правил доказывания причинно-следственной связи между внешним воздействием и принятием решения. Как справедливо отмечено в доктрине, «механизм доказывания размера убытков и вины конкретного лица в цепи цифровой обработки данных крайне усложнен [10, С. 7]». Эта сложность особенно проявляется в сделках с использованием автоматизированных систем, где установление человеческого волевого элемента требует разработки специальных процессуальных подходов.

Анализ судебной практики выявляет существенные расхождения в подходах к оценке свободы волеизъявления при рассмотрении споров о недействительности сделок. Отсутствие единообразных критериев приводит к принятию противоположных решений по аналогичным делам в различных судебных инстанциях. Особенно ярко это проявляется при квалификации таких факторов, как психологическое давление или экономическое принуждение, где судьи руководствуются субъективными оценочными суждениями. Правовая неопределённость в данном вопросе создаёт проблемы для формирования стабильной судебной практики, при этом участники гражданского оборота лишаются возможности прогнозировать последствия своих действий, что повышает риски оспаривания сделок.

В этой связи представляется необходимым законодательное закрепление универсальных критериев оценки действительности волеизъявления. Целесообразно дифференцировать правовые последствия в зависимости от интенсивности и продолжительности оказываемого воздей-

ствия. Разработка единых стандартов предполагает создание исчерпывающей классификации видов вмешательства в процесс формирования воли с чёткими критериями отграничения. Особое внимание следует уделить градации воздействий по тяжести последствий, что позволит унифицировать подходы к оценке существенности нарушения свободы волеизъявления. Подобная систематизация обеспечит согласованность судебных решений и повысит правовую определённость.

Законодательное закрепление универсального определения свободы волеизъявления требует дифференциации субъективных и объективных критериев. Отсутствие единого подхода в доктрине создаёт проблемы правоприменительной практики, что подтверждается различными трактовками смежных понятий. Как отмечается в исследованиях, «существуют различные подходы к определению добросовестности в гражданском праве. Один из подходов рассматривает добросовестность как совокупность объективных и субъективных критериев» [23]. Это свидетельствует о необходимости системного подхода к формулированию понятия «свобода воли», при этом разработка универсального определения должна учитывать динамику гражданского оборота и новые формы взаимодействия сторон. В частности, как справедливо отмечает С.П. Усач, «совершенствование законодательной базы – требуется принятие специального закона, детально регулирующего дистанционные сделки с недвижимостью, который четко разграничит ответственность между владельцем УКЭП, удостоверяющим центром и регистрирующим органом; закрепит правовой статус смарт-контрактов и распределит ответственность за ошибки в их коде и установит повышенные стандарты безопасности для информационных систем, используемых в обороте недвижимости…» [23]. Данный подход может быть экстраполирован и на другие виды сделок.

Представляется, что систематизация норм о пороках воли предполагает создание единого института оспоримых сделок в структуре Гражданского кодекса, при этом объединение разрозненных положений статей 178-179 ГК РФ в отдельную главу повысит согласованность правового регулирования, что позволит установить общие принципы оценки действительности волеизъявления и унифицировать последствия признания сделок недействительными.

Кроме того, отсутствие единых методических рекомендаций по установлению причинно-следственной связи между противоправным воздействием и волеизъявлением создаёт существенные сложности в судебной практике. Разрозненность подходов приводит к противоречивой оценке одних и тех же обстоятельств дела различными инстанциями. В этой связи, необходимость разработки универсальных критериев обусловлена потребностью в повышении правовой определённости и снижении судебных ошибок, тогда как систематизация существующих доктринальных позиций должна стать основой для формирования единых стандартов доказывания. Анализ причинно-следственных связей требует комплексного подхода, учитывающего как объективные обстоятельства совершения сделки, так и субъективное восприятие сторон. Особое значение приобретает дифференциация влияния различных форм воздействия на процесс формирования воли участников сделки. Ключевым аспектом методических рекомендаций должно стать выделение объективных критериев оценки степени воздействия на волю стороны, в частности, внедрение процессуальных стандартов доказывания фактов психического давления, что необходимо для обеспечения единообразия судебной практики.

Представляется, что следует уделять особое внимание проверке финансового состояния потенциального партнера и наличию у него признаков экономической зависимости. Кроме того, рекомендуется внедрение многоуровневой системы согласования крупных сделок с привлечением юридических и финансовых служб. Такие меры способствуют выявлению скрытых форм принуждения, включая злоупотребление доминирующим положением на рынке.

Для фиксации добровольности волеизъявления рекомендуется использовать юридически значимые формы документального оформления переговоров. В частности, составление протоколов разногласий, подписание преддоговорных протоколов и актов сверки взаимных обязательств создают доказательственную базу свободного волеобразования. При этом, данные документы должны содержать явные указания на отсутствие давления при принятии решений.

Эффективным способом подтверждения добровольности волеизъявления является нотариальное удостоверение сделок с фиксацией разъяснения сторонам их прав и последствий.

Дополнительную гарантию обеспечивает видеозапись процесса заключения сделки при условии соблюдения требований к обработке персональных данных. Современные технологии электронного подписания также позволяют внедрять многофакторную аутентификацию волеизъявления.

Подводя итоги следует отметить, что что свобода волеизъявления сохраняет статус фундаментального условия действительности сделок

в современном гражданском праве. Историко-правовой анализ эволюции данного понятия демонстрирует устойчивую связь с принципом автономии воли как основой правовой определённости. При этом в условиях усложнения экономических отношений гарантия свободного формирования и выражения воли приобретает особое значение для обеспечения стабильности договорных обязательств, это положение находит отражение как в доктринальных подходах, так и в законодательных конструкциях гражданского права. Анализ судебной практики выявил усиление проблем, связанных с внешними воздействиями на волю участников сделок, включая экономическое принуждение, обман и заблуждение. Особую сложность представляет квалификация косвенного давления, где отсутствуют прямые признаки противоправности, но присутствует существенное ограничение свободы выбора.

Список литературы:

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 №25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

[2] Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации в первом полугодии 2025 года административных, гражданских, уголовных дел // https://www.vsrf.ru/documents/statistics/34611

[3] Case C-49/11 Content Service Ltd v Bundesarbeitskammer [2012] CMLR 34. https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:62011CJ0049

[4] Белов В.А. Условия ущемляющие права потребителей и новый подход к правовому регулированию содержания потребительского договора // Гражданин и право. 2022. № 7. С. 69-80.

[5] Белова Т.В., Некрасова Н.А. Получение согласия при совершении корпоративных сделок: семейно-правовой аспект // Экономические преобразования: теория и практика. 2023. № 1 (7). С. 48-56.

[6] Гинзбург И.В. Применение судами принципа добросовестности: сравнительно-правовое исследование // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2024. №4. С. 83-91.

[7] Иванова Е.В. Проблемы квалификации принуждения к совершению сделки // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2023. №2. С. 164-171.

[8] Калинин А.Ю. К вопросу о применении Закона «О защите прав потребителей» к правоотношениям в сфере образования // В сборнике: Право и государство, общество и личность: история, теория, практика. сборник научных статей участников X Всероссийской научно-практической конференции с международным участием ГСГУ. Государственный социально-гуманитарный университет. Коломна, 2021. С. 45-51.

[9] Канашевский В.А. Коллизионное регулирование договоров с участием потребителей // Международное публичное и частное право. 2016. №4. С. 22–25.

[10] Корнилина П.В. Некоторые аспекты сравнительно-правового анализа доктрины заблуждения при заключении договора // Правоведение. 2022. №2. С. 145-160.

[11] Мажорина М.В. Международное частное право в условиях глобализации: от разгосударствления к фрагментации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 193–217.

[12] Манджиев А.Д. Свобода воли в договорных правоотношениях. - М.: Статут, 2017. – 176 с.

[13] Петрова Д.С. Отпадение цели договора сквозь призму правового значения каузального мотива в немецком, российском и английском праве // Конференция «Ломоносов 2019». - СПб., 2019. С. 2-7.

[14] Поваров Ю.С. Механизм исцеления сделки, совершенной под влиянием заблуждения, при согласии контрагента на сохранение ее силы // Актуальные проблемы российского права. 2025. №1 (170). С. 111-120.

[15] Покровский И.А. История римского права – М.: Юрайт, 2025. – 235 с.

[16] Протасова А.С. Роль постановлений Верховного Суда РФ в практике судов общей юрисдикции и арбитражных судов // Общество и цивилизация. 2022. №1. С. 61-64.

[17] Протасова А.С. Соотношение принципа добросовестности с принципом свободы договора // Общество и цивилизация. 2022. №1. С. 61-64.

[18] Родина Т.Ю., Козин Д.А. Феномен воли и волеизъявления в недействительной сделке // Экономика. Социология. Право. 2023. №1 (29). С. 91-98.

[19] Седых А.А. Становление и развитие принципа добросовестности в гражданском праве России // Гуманитарный научный вестник. 2025. №4. С. 246–250.

[20] Сергеева О.В. Влияние цифровизации на регулирование преддоговорных отношений в международном частном праве // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. №3. С. 162–184.

[21] Темерев С.О. Воля и пороки воли в сделке // Вестник науки. 2025. № 7 (88). С. 157-165.

[22] Терентьева Л.В. Понятие кибер-пространства и очерчивание его территориальных контуров // Правовая информатика. 2018. №4. С. 66–71.

[23] Усач С.П., Борисова-Жарова В.Г. Проблемы правового регулирования сделок с недвижимостью в условиях цифровизации: анализ рисков ответственности // Столыпинский вестник. 2025. №4. С. 4-8.

[24] Шичко А.Р., Артемьев Р.Д., Хачатурова А.А., Чевлытко В.В. Формирование воли и волеизъявления при заключении сделок // Право и управление. 2024. №6. С. 425-429.

[25] Юмашев Ю.М. История формирования западноевропейского частного права // Евразийский юридический журнал. 2025. № 1 (200). С. 80-84.

References:

[1] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.06.2015 No. 25 “On the Application by the Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation “//SPS Consultant Plus.

[2] Review of statistical data on the consideration of administrative, civil and criminal cases in the Supreme Court of the Russian Federation in the first half of 2025// https://www.vsrf.ru/documents/statistics/34611

[3] Case C-49/11 Content Service Ltd v Bundesarbeitskammer [2012] CMLR 34. https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX-:62011CJ0049

[4] Belov V.A. Conditions infringing consumer rights and a new approach to the legal regulation of the content of a consumer contract//Citizen and law. 2022. № 7. S. 69-80.

[5] Belova T.V., Nekrasova N.A. Obtaining consent when making corporate transactions: family legal aspect//Economic transformations: theory and practice. 2023. № 1 (7). S. 48-56.

[6] Ginzburg I.V. Application of the principle of good faith by courts: comparative legal research// Journal of Foreign Law and Comparative Law. 2024. №4. S. 83-91.

[7] E.V. Ivanova. Problems of qualification of coercion to commit a transaction//Criminal law: development strategy in the XXI century. 2023. №2. S. 164-171.

[8] Kalinin A.Yu. On the application of the Law “On Protection of Consumer Rights” to legal relations in the field of education//In the collection: Law and the state, society and personality: history, theory, practice. collection of scientific articles by participants of the X All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation of the SSSU. State Social and Humanitarian University. Kolomna, 2021. S. 45-51.

[9] Kanashevsky V.A. Conflict of laws regulation of contracts involving consumers//International public and private law. 2016. №4. S. 22-25.

[10] Kornilina P.V. Some aspects of the comparative legal analysis of the doctrine of delusion at the conclusion of a contract//Jurisprudence. 2022. №2. S. 145-160.

[11] Majorina M.V. Private international law in the context of globalization: from denationalization to fragmentation//Law. Journal of the Higher School of Economics. 2018. № 1. S. 193-217.

[12] Mandzhiev A.D. Free will in contractual legal relations. - M.: Statute, 2017. - 176 s.

[13] Petrova D.S. The defeat of the purpose of the contract through the prism of the legal significance of the causal motive in German, Russian and English law//Conference “Lomonosov 2019.” - St. Petersburg, 2019. S. 2-7.

[14] Povarov Yu.S. Mechanism for healing a transaction made under the influence of a delusion, with the consent of the counterparty to preserve its strength//Actual problems of Russian law. 2025. №1 (170). S. 111-120.

[15] Pokrovsky I.A. History of Roman Law - M.: Yurayt, 2025. - 235 s.

[16] A.S. Protasova. The Role of Decisions of the Supreme Court of the Russian Federation in the Practice of Courts of General Jurisdiction and Arbitration Courts//Society and Civilization. 2022. №1. S. 61-64.

[17] Protasova A.S. Correlation of the principle of good faith with the principle of freedom of contract//Society and civilization. 2022. №1. S. 61-64.

[18] Homeland T.Yu., Kozin D.A. Phenomenon of will and will in an invalid transaction//Economics. Sociology. Right. 2023. №1 (29). S. 91-98.

[19] Sedykh A.A. Formation and development of the principle of good faith in the civil law of Russia//Humanitarian Scientific Bulletin. 2025. №4. S. 246-250.

[20] Sergeeva O.V. Impact of digitalization on the regulation of pre-contractual relations in private international law//Law. Journal of the Higher School of Economics. 2020. №3. S. 162-184.

[21] Temerev S.O. Will and the vices of will in the transaction//Bulletin of Science. 2025. № 7 (88). S. 157-165.

[22] Terentyeva L.V. The concept of cyberspace and delineation of its territorial contours// Legal informatics. 2018. №4. S. 66-71.

[23] Usach S.P., Borisova-Zharova V.G. Problems of legal regulation of real estate transactions in the context of digitalization: analysis of liability risks// Stolypinsky Bulletin. 2025. №4. S. 4-8.

[24] A.R. Shichko, R.D. Artemyev, A.A. Khachaturova, V.V. Chevlytko. Formation of will and will in concluding transactions//Law and management. 2024. №6. S. 425-429.

[25] Yumashev Yu.M. History of the formation of Western European private law//Eurasian Law Journal. 2025. № 1 (200). S. 80-84.